

Между тем традиции русской лингвистики до сих пор складывались так, что почти все выдающиеся русские ученые (за единичными исключениями) всячески подчеркивали необходимость беречь и развивать те особенности родного языка, которые связаны с его же умением передавать и выражать тонкие и тончайшие *оттенки* мыслей и чувств людей, живущих в обществе. Чтобы язык успешно справлялся с этим заданием, он должен быть исключительно восприимчивым к передаче мыслей и чувств людей. Он обязан располагать и в своей лексике, и в своей грамматике, и в своей стилистике соответствующими средствами.

Сказанное попытаюсь пояснить простым примером. В свое время Пешковский сравнивал такие два предложения: *он закаляется кинжалом* и *он убивается бандитом*. Формальная модель обоих предложений совершенно одинакова. Тем не менее орудийное значение творительного падежа *кинжалом* проступает явственнее в сознании говорящего на русском языке человека, чем аналогичная форма *бандитом*. Как тонко замечает автор, *бандитом* здесь не простое орудие (как *кинжалом*), а что-то «вроде» действующего лица. Поэтому все предложение тяготеет к иному построению: *его убивает бандит*. Формально одинаковые творительные падежи (*кинжалом*, *бандитом*) функционально оказываются неравными: *кинжал* легко приобретает орудийное значение, *бандит* — нелегко. Взаимодействие формы и функции осложняет проблему и превращает формально равные отношения в отношения функционально неравные. Поэтому у Пешковского были все основания по этому поводу заметить: «Все дело в этих *почти* и *как бы*, на которых зиждется вся грамматика»⁹. Обратим внимание: вся грамматика зиждется на *почти* и *как бы*, т. е. на *оттенках*. Если лишить грамматику этой способности передавать *оттенки* мыслей и чувств говорящих и пишущих людей, грамматика перестанет быть грамматикой. Такова концепция Пешковского.

Такой же взгляд на грамматику (и шире — на язык в целом) был характерен для Потебни и Крушевского, для Шахматова и Виноградова, как и для многих других выдающихся ученых. Вот эту способность языка передавать *оттенки* некоторые поклонники Н. Хомского у нас и за рубежом спешат объявить ненужной, избыточной, бессодержательной.

Между тем такой ученый, как Шахматов, не только в грамматике и в лексике, но и в фонетике обнаруживал способность языка передавать *оттенки*. Устанавливая типы звуков в праславянском и в праиндоевропейском, Шахматов демонстрировал «тончайшие оттенки, существовавшие в самих типах звуков»¹⁰. Применительно к лексике об *оттенках* писал и Щерба: «Всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно выражать все новые и новые смысловые оттенки...», что исследователь все время должен быть начеку¹¹. Можно без труда привести и другие свидетельства виднейших русских филологов в защиту понятия *оттенка*. Больше того. По мысли этих ученых, способность передавать оттенки в лексике, в грамматике, в стилистике составляет «душу» каждого развитого языка, имеющего богатую литературную традицию.

Чем чувствительнее конкретный язык к передаче тех или иных оттенков мыслей и чувств людей, говорящих на этом языке, тем, как правило, выше и культура данного языка, и культура людей, умеющих передавать возникающие оттенки. И это вполне понятно. Как мы уже знаем, главное преимущество человека над любой, даже самой усовершенствованной машиной — это «способность мозга оперировать с нечетко очерченными по-

⁹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, с. 132.

¹⁰ Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. Пг., 1922, с. 48.

¹¹ Предисловие Л. В. Щербы к «Русско-французскому словарю» под ред. и при участии Л. В. Щербы. М., 1939, с. 3.